

В мире этот греческий остров известен больше как Корфу. Греки предпочитают называть его Керкира, несмотря на то, что такое же имя носит и главный город острова; себя жители острова именуют керкирийцами. Почему возникло разночтение -- об этом речь пойдет дальше. Мы же, во избежание путаницы, остановимся на названии -- Корфу.

Итак, остров, лежащий в Ионическом море, у западных берегов Греции, самый северный в цепочке Ионических островов. Площадь его около 600 кв.км., северная часть -- гористая, южная -- холмистая. Горы сложены в основном известняками и сланцами. Геологические особенности острова сходны с той частью материковой Греции, которая находится напротив него. Когда-то, миллионы лет назад, остров и материк составляли единое целое.

Климат мягкий, субтропический, средиземноморский. Средняя температура летом +30°C, зимой +10°C. Дождливое время -- с сентября по март.

На острове проживает 110 тысяч человек, в городе Керкире -- 36 тысяч.

Корфу -- самая близкая к Италии точка Греции. Остров лежит на перекрестке морских дорог, это место встречи Востока и Запада, и неудивительно, что веками он не знал покоя... Римляне, норманны, крестоносцы, венецианцы, турки, французы, англичане -- кто только с мечом и огнем не проходил по этой земле, оккупируя ее на десятилетия, а то и столетия. И в этом котле событий рождалось неповторимое культурное лицо Корфу. Лицо, которое нам, группе российских журналистов, предстояло увидеть.

Мне показалось, что мы не приземлились, а приводнились: о посадочную полосу били волны. Лил дождь. За его плотной стеной расплывались огни близкого города. Но было тепло, и пахло морем и югом.

Первая встреча с незнакомой землей -- это всегда обещание. Так было и на этот раз. Вглядываясь в темный блеск моря, в черные силуэты кипарисов, мертвенно белеющие стены домов и снова -- в мокрое полотно горной дороги (наша гостиница "Сан-Стефано" находилась в стороне от Керкиры), я ощущала в ночном пейзаже острова, утонувшего в потоках дождя, что-то тревожное.

Утром остров предстал в сиянии солнца. Безмятежно голубело море. Гористая линия берега была изрезана бухточками и заливами. Серо-зеленые склоны, поросшие оливами и кипарисами, дышали свежестью и спокойствием. Красные черепичные крыши доверчиво сбегали со склонов к морю.

Эта идиллическая картина не была, как я поняла потом, случайной улыбкой природы, ожившей после дождя. Таков был весь остров и во все дни, которые мы провели здесь.

И все-таки ночной Корфу не уходил из памяти. Словно в те часы приоткрылось потайное

дно...

Чудотворец

У острова и главного города есть покровитель -- святой Спиридон. Чудотворец, как называют его местные. Уже много веков керкирийцы поклоняются его мощам. "Тайна, которую не понять неверующему", -- сказал об этом Георгиос Кудас, по-русски Георгий, наш гид и переводчик. Георгий по специальности историк, семь лет назад окончил Ленинградский университет. Забегая вперед, скажу, что его интерес к прошлому своего острова, знание истории помогли лично мне приподнять завесу над умиротворяющим пейзажем и благополучной в целом жизнью сегодняшнего Корфу.

Церковь святого Спиридона находится в Керкире, в самой гуще улочек Старого города. Ее высокая колокольня с красным навершием видна отовсюду. Она-то и привела нас к стенам церкви. Пытаюсь сфотографировать колокольню -- не входит в кадр. Отхожу дальше -- натыкаюсь на сидящих за столиками кафе, еще дальше -- на продавцов сувениров. Улица узкая, обочины, да и проезжая часть заполнены людьми. Идет обычная жизнь -- шумная, беззаботная, лишь у входа в церковь люди затихают и молча, перекрестившись, втыкают горящие свечи в длинный лоток с песком.

Церковь была построена в 1590 году. Жил же епископ Спиридон в V веке. Его останки хранились в Константинополе, но после захвата города турками в 1453 году некий человек перевез мощи в Керкиру и отдал их, как рассказывают, одной богатой семье с условием, что каждое ее поколение будет поставлять церкви одного священника. Мощи хранились в семейной церкви, пока город не собрал деньги и не построил новую, достойную Чудотворца.

Богато ее убранство. Мраморный иконостас, свод в иконах-медальонах, заключенных в золотые рамы, деревянные резные стулья вдоль стен... Служитель проводит нас к скрытой в глубине церкви серебряной раке, украшенной иконками из эмали. Священник с пением-молитвой открывает два окошечка в крышке раки, в одном из них видно темно-коричневое, пергаментное лицо...

Люди гуськом подходят к раке, целуют ее, крестятся. Горят свечи.

Несколько чудес сотворил святой Спиридон. Легенды о них передаются из поколения в поколение, и Георгий охотно поведал их.

...В XVII веке страшная эпидемия чумы обрушилась на Керкиру. Ничто, казалось, не могло ее остановить. Люди шли в церковь и молили, стоя на коленях, святого Спиридона помочь им. И в одну из ночей люди увидели над храмом святого сияние. Эпидемия пошла на убыль. На восточной стене Старой крепости есть глубокие царапины: легенда говорит, что это следы когтей старухи-чумы, которую гонял Спиридон.

...А в 1716 году, в августе, во время длительной турецкой осады, случилось следующее. Город изнемогал, готовый вот-вот сдаться. Ночью разразилась страшная гроза -- обычно

в это время гроз не бывает, и турки увидели устен крепости огромного монаха. В одной руке он держал крест, в другой-- факел... Турки, испугавшись, сняли осаду и ушли.

-- Факты подтверждают: турки сняли осаду именно в эти дни и ушли безвидимых на то причин, -- прокомментировал Георгий свой же рассказ.

Мы сидим с Георгием в садике, перед зданием муниципалитета, коротая время в ожидании назначенного часа встречи с номархом. И наблюдаем спокойную жизнь площади, бывшей в далекие времена венецианского владычества общественным центром города. Само здание муниципалитета, построенное в конце XVII века, напоминает венецианские дворцы. Желтоватый камень, высокие закругленные окна, кованые решетки и одинокая раскидистая пальма перед входом...

Дети катаются по площади на роликах и велосипедах, взрослые беседуют под тентами кафе, солнце играет на ярких цветочных клумбах...

-- Похоже, святой Спиридон сегодня может отдыхать, -- говорю я. Георгий сдержанно улыбается.

Мои наблюдения в какой-то мере подтвердили и слова номарха Андреаса Пагратиса. В его ведении находятся остров Корфу и ряд мелких островков.

-- У нас можно хорошо и спокойно отдохнуть, -- начал разговор о Корфу господин Пагратис и добавил, вспомнив, видимо, откуда мы приехали: -- Преступности нет, на острове всего 241 полицейский...

Далее номарх коснулся туризма, который дает им 80 процентов дохода. Туристический бизнес находится в частных руках, но государство, конечно, помогает. Одних только гостиниц, не считая сдающихся частных квартир, -- сорок тысяч. В прошлом году приняли миллион гостей, были и русские, но пока немного, а так хотелось бы, чтобы они открыли для себя Ионическое ожерелье...

При этих словах господин Пагратис взглянул на икону святого Спиридона, висевшую на стене кабинета, словно прося содействия у Чудотворца.

Четыре раза в году Керкира отмечает день святого Спиридона. Серебряную раку с останками святого носят по улицам города в сопровождении митрополита и оркестра. Интересно, что литании проводятся в память тех событий, о которых рассказывают предания. А 10 августа, накануне литании, проходит праздник-представление "Варкарола". Освещенные лодки выходят из бухты Гарица, и оживает легенда о том, как появился святой у стен осажденной крепости, держа в руках факел...

Одиссей и корабль феаков

Наш путь лежит на западное побережье острова, в места, воспетые Гомером.

О том далеком времени, когда керкирийцы поклонялись богам Олимпа, сохранилось немало свидетельств. И, в первую очередь, -- археологические находки: уникальный каменный "фронтон Горгоны", созданный, вероятно, в 585 году до н. э. и украшавший храм Артемиды; фрагмент фронтона храма с изображением Дионисия; медные скульптуры Афродиты и т.п.

Да и название -- Керкира -- тоже связано с греческой мифологией. Нимфа Керкира, дочь реки Асопу, ослепила своей красотой бога моря Посейдона. Он украл ее, отвез на остров; их сын Феак стал отцом всех феаков, первых жителей острова. Только много столетий спустя, в византийские времена, остров стали называть Корифо (по-гречески "вершина"), поскольку над акрополем возвышались две вершины. Тогда же появилось и латинское название острова -- Корфу. Но греки, как уже говорилось, по-прежнему верны нимфе Керкире...

Дорога бежит по просторной долине. Деревни -- дома под красными черепичными крышами, беленые стены, прикрытые листвой оливковых деревьев, -- следуют одна за другой. Это знаменитый плодородный луг Роба. Чем ближе к побережью, тем холмистее становится местность, и вот уже серпантин дороги кружит по склонам гор.

Одна из западных точек острова -- Ангелокастро ("Крепость ангелов"). На вершине скалы сохранились развалины византийской крепости XIII века. Здесь день и ночь несли дозор стражники, охраняя побережье от венецианского флота. В случае опасности зажигали факелы, и свет их был виден в Керкире.

Неподалеку от Ангелокастро, чуть южнее -- Палеокастрица ("Старая малая крепость"). Это место, застроенное сегодня отелями, весьма любимо туристами, потому как пляж Палеокастрицы вокруг шести заливов -- один из самых красивых на острове. А когда-то здесь разворачивались события, участником которых был легендарный Одиссей...

Монастырь Палеокастрица стоит на возвышенности. Его ворота открыты для всех. Я хожу по мраморным плитам двора, любуюсь светлыми стенами, увитыми лиловыми и красными цветами, невольно слушаю то немецкую, то английскую речь в разных уголках двора, вижу, как бросают люди монетки в колодец, прикрытый металлической решеткой, но меня непреодолимо тянет к монастырской стене, за которой открывается вид на море.

...Обрывистые, покрытые зеленью берега. Пенная полоса прибоя. Прозрачно-голубые заливы. Вдали от берегов они темнеют, наливаются синевой, и эту синеву, подобно кораблям, вспарывают скальные островки.

Откуда-то появился Георгий. Он тоже долго смотрел на море, а потом, показав на островок, похожий на древнегреческую триеру, сказал:

-- Корабль Одиссея.

И тут же последовала легенда. Возвращаясь домой, Одиссей, царь Итаки, остановился

на острове феаков. Они гостеприимно приняли его, потом снарядили корабль и доставили Одиссея на родной остров. Но на обратном пути разгневанный Посейдон (греческие боги ведут себя как люди) превратил корабль феаков в скалу.

-- Самое интересное, -- заметил Георгий, -- что Гомер упоминает в "Одиссее" о пребывании своего героя на острове феаков и описывает, похоже, именно ту картину, которую мы сейчас видим: заливы, Большое море, каменные острова...

"Бессонница. Гомер. Тугие паруса..." -- откуда-то из глубин памяти всплывают строки. Может, и правда все это было? И уже спадает глянец пейзажа, и видятся древний город Алкинос на месте Палеокастрицы, и дочь феаков Навсикая, которую здесь, у ручья, повстречал герой Гомера, и дружные взмахи гребцов на триере, увозящей Одиссея.

Может быть, из тех времен пришел древний символ острова -- изображение триеры, которое так часто встречается на Корфу и сегодня?

Мастер из Перитиа

-- Хотите увидеть творение мастера XII века? -- спросил Георгий и, недожидаясь ответа, пообещал: -- Не пожалеете.

Дорога шла вдоль восточного побережья, на север. Справа -- берег моря, изрезанный бухтами, солнечная синева; слева -- невысокие горы, покрытые, как, впрочем, повсюду на острове, густой зеленью. Вглядываюсь в нее, чтобы различить, что же за растения образуют этот зеленый покров. И тут вспоминаю слово -- маквис! Так ботаники называют формацию растений из вечнозеленых кустарников и деревьев, которая встречается в странах со средиземноморским климатом. Да, это был именно маквис -- живое буйное переплетение можжевельника, мирта, дикой фисташки и еще каких-то незнакомых растений и трав. А рядом -- серо-зеленая листва оливковых деревьев, прорезанная темными пиками кипарисов...

Под кронами олив, у могучих узловатых стволов, разложены черные сетис мелкими ячейками. Наступало время сбора урожая, и ни один плод не должен был пропасть. Ведь это достаток крестьянина -- греческие оливки и оливковое масло знают во всем мире.

Сейчас на острове около четырех миллионов оливковых деревьев -- серьезная отрасль экономики, ничего не скажешь. А между тем -- как это ни парадоксально -- засадили остров оливами во времена правления венецианцев. Они обязали керирийцев разводить оливы, и, наверно, многие могучие ныне деревья помнят, как это начиналось: ведь оливы живут четыреста лет и дольше.

Впрочем, с подобными парадоксами мы еще не раз встретимся на острове: война, кровь, пожары (какая оккупация обходится без этого?) и благие начинания завоевателей (диктуемые зачастую своими интересами), которые ложились в копилку культуры и страдавшего народа.

Дорога привела нас в городок Кассиопи, стоящий на северном берегу. Здесь, как почти во всех деревнях-городках острова, сохранились следы давней истории: церковь XVI века, построенная на месте храма Зевса, развалины крепостина холме, маленький, оживленный порт с белыми кораблями. Но мое внимание привлек скромный обелиск из белого мрамора, стоящий на пристани. По бокам лежали две старинные, заржавленные пушки.

-- Это памятник неизвестному солдату, -- пояснил Георгий. -- Греку, итальянцу, француз -- каждому, кто погиб на этой земле. А пушки -- с затонувших неподалеку венецианских кораблей. Знаете, -- помолчав, добавил он, -- надо пройти через века страданий, чтобы подняться до всепрощения...

От Кассиопи мы повернули в глубь острова, словно отвернувшись от моря. Так же отвернулись от него когда-то те, к кому мы сейчас едем. Они бежали от врага в глубь острова, ища укрытия в высоких горах. Машина с трудом справляется с подъемом. Все меньше оливковых деревьев, кругом -- обнаженный серый камень. Дальше не проехать.

По узенькой тропке спускаемся к домам деревни Перитиа. В нос бьет острый овечий запах, пахнет и разогретым на солнце камнем, пожухлой травой. Кругом -- желто-зеленые горы, они цепью уходят к горизонту. Георгий показывает на одну из них: это Пантократор, 906 метров, самая высокая на острове. Неподалеку от этой горы добывают белый камень.

Дома в Перитиа стоят кучно -- большие, возведенные из грубо отесанных камней. Мостовая, выложенная камнем, ведет к церквушке, сложенной из таких же камней. Деревня словно вымерла -- ни души. Вдруг из-за домов послышался собачий лай. Идем туда и видим такой же каменный дом, но явно обитаемый. У крыльца стоит машина и несколько столиков под тентом -- таверна.

Присаживаемся за столик, и хозяин, молодой еще, приносит запотевшие бутылки колы. Он охотно вступает с нами в разговор, рассказывает о своей деревне. Ему помогает Георгий.

-- Вот так и живем здесь вдвоем с женой, да еще два пастуха стадо держат... Но народу приезжает много, некоторые пешком через горы приходят -- посмотреть, как жили наши предки. Потому и открыли мы таверну. Решили что-то вроде музея под открытым небом создать.

-- А государство помогает? -- спрашиваю у хозяина.

-- Мало. Все дома частные, каждый сам должен думать о ремонте и сохранности своей "крепости". Большинство же владельцев живут на побережье, лишь наезжают сюда. Потому и появляются такие объявления -- видите на соседнем доме? -- "Продается"...

-- Ну а церкви?

-- Церкви тоже частные, у каждой семьи своя...

-- В деревне было очень много церквей, -- говорит Георгий, -- поэтому и называли деревню Перитиа -- Пери та Тия, что в переводе означает "О, божественные". Иногда название переводят как "Деревня, окруженная богами". Поселение существовало уже в XII веке.

-- Откуда это известно?

Георгий уже привык к нашим уточняющим вопросам и потому, достав записную книжку, быстро нашел нужную страницу и прочел:

-- "Мастер камня Константинос из деревни Перитиа принимал участие в строительстве монастыря". Запись эта сделана в рукописи, которую нашли в близлежащей обители. Датировалась рукопись XII веком. Отсюда и вывод.

-- А какие-нибудь подробности о мастере сохранились?

-- Увы, больше ничего. Но перед вами -- творение его и его со товарищей -- дома, церковь -- смотрите и судите сами о их мастерстве.

Поднимаюсь по каменным ступенькам одного из домов. Три комнаты, кухня. Высота -- полтора человеческих роста. Хорошо видна кладка стен -- камни большие, плотно пригнанные. Черный, сильно закопченный зев печки -- сколько же веков здесь горел огонь... Окон несколько, довольно больших. Горячий свет, льющийся из них, согревает серый камень стен. В окне -- горы, горы, горы...

Вообще в этот день Покровитель острова решил, похоже, убедить нас в том, что на Корфу живут трудолюбивые и находчивые люди. И убедил.

Когда мы снова выбрались к морю, на северное побережье, в местечко Ахарави, нас принял Базиль Харлафтис, владелец большого гостиничного городка "Гелина".

Точнее, познакомились мы с ним уже сидя за обеденным столом, под тентом, в двух шагах от кромки прибоя. Как-то незаметно к нам подошел крупный пожилой человек в кепочке-бейсболке. Он подсел к краю стола, закурил сигару, поднял бокал красного вина и сказал:

-- Добро пожаловать!

Тут-то и выяснилось, что это и есть Базиль Харлафтис, по-нашему, Василий, который так рад видеть российских журналистов за своим столом...

Слово за слово, и всплыла любопытная история. Василий -- бывший моряк, и, когда пришло время оставить флот, он купил большой участок плоской болотистой земли у моря и начал его обустраивать. Сейчас здесь было все, как на хорошем курорте.

-- И много народу к вам приезжает? -- спросила я хозяина "Гелины".

-- Много, -- ответил он, попыхивая сигарой. -- Но в основном немцы. А мне хотелось бы видеть людей из разных стран. Скучаю по общению со всем миром... Хотите, удивлю? -- вдруг ни с того ни с сего весело спросил Василий.

Он подозвал официанта и что-то шепнул ему. Юноша понимающе склонил голову. Через минуту на столе стояла бутылка с желтым напитком и тарелочка с желтыми плодами. Они были похожи на крупные абрикосы или желтые сливы.

-- Кум-куат. Не пробовали?

-- Даже не слышала. А что это?

-- Сначала попробуйте, -- сказал хозяин и наполнил рюмки.

Ликер был густым, сладким, а фрукты, сваренные в сахаре, по вкусу напоминали цукаты.

-- Это китайский апельсин. Наш остров -- единственное место в Греции, где поспевает эта диковинка, -- с удовольствием объявил Василий. -- А привез ее еще в прошлом веке из Китая некий дипломат, который хорошо знал природные условия острова. Кум-куат прижился. Само-то деревце невелико -- метра полтора высоты, а плоды светятся, как солнышки. Нет, нам есть чем удивить гостей, пусть приезжают.

Печальная Сисси

К югу от Керкиры, недалеко от города, стоит дворец "Ахиллио". Тень Елизаветы, императрицы Австро-Венгрии, до сих пор бродит по его прекрасным залам в окружении мраморных героев греческой мифологии.

Дворец построили для Елизаветы в 1890 году. Жена императора Франца-Иосифа, измученная пленом Шенбрунна -- императорского дворца в Вене, лишившаяся детей (дочь ее умерла маленькой, сын -- эрцгерцог Фердинанд покончил жизнь самоубийством), искала отдохновения своей страдавшей душе. И она нашла его на этом острове, на берегу залива Иллайко. Здесь печальная Сисси, как называли ее керкирийцы, жила в ином, ею самой созданном мире.

...Белые колонны портика, высокие окна трех этажей, наполненные солнцем морским ветром, просторные балконы -- итальянские архитекторы, построившие дворец в стиле неоклассицизма, вероятно, понимали состояние Елизаветы, и поэтому здание получилось строгим и нарядным одновременно; оно глядит окнами и в сад, и на море, словно сливаясь с природой.

У кромки высокого берега Елизавета поставила скульптуру своего самого любимого героя -- Ахилла. То был "Ахилл умирающий" -- сильный, красивый юноша, лицо которого искажено смертельной мукой. Вильгельм II, кайзер Германии, ставший владельцем замка

после смерти Елизаветы, отодвинул скульптуру в глубь сада, а на ее месте появился "Ахилл побеждающий". Вильгельм ценил фанфары победы, Елизавета -- движения человеческой души...

Много времени она проводила в часовне, пристроенной во дворце к залу приемов. Там, в уединении, перед иконой-картиной Богородицы с младенцами фреской "Суд над Христом", Елизавета, говоря ее словами, "обращалась к Богу без посредников". Я вижу ее прелестное лицо, печальные глаза, волосы, украшенные цветами... Привядшие астры стоят возле портрета на столике, перед входом в часовню.

Я вижу ее и в саду -- среди вековых олив, пиний, кипарисов, среди ярких цветов, у бюста Байрона. Склоненную над книгой, подобно мраморной нимфе...

Недолго отдыхала душой Елизавета на этом благословенном острове. В 1898 году, в Вене, она была убита итальянским анархистом Луиджи Луччини. Его фотографии сохранились. Небритый тщедушный молодой человек в шляпе-котелке, вот его ведут жандармы в начищенных мундирах, вот и орудие убийства -- заточка из напильника на деревянной ручке...

Мне показалось, что керкирийцы считают Сисси своей. Видимо, ее любовь к острову, нравственная чистота и несчастливая судьба находят отклик в их душах. Иначе бы они не вернули дворцу прежний облик (во время войны в нем был госпиталь, потом казино), вновь поселив в его стенах печальную Сисси.

Золотой меч адмирала

Старая крепость стоит на высоком холме с двумя вершинами и обращена своими могучими стенами к морю. Ее построили венецианцы в XVI веке, хотя начинали строить еще византийцы. Вдали высится Новая крепость. Это тоже работа венецианцев, XVII век. Между крепостями лежат старинные кварталы Керкиры -- Старый город.

И в городе, и в крепостях, превращенных сегодня в музеи, всегда много народу. Беззаботная яркая толпа туристов движется по длинному мосту, соединяющему город и Старую крепость; войдя в крепость, толпа распадается, люди скрываются в галереях и бастионах.

...Мощные стены. Лестницы, вырубленные в камне. Подземные ходы. Каменные туннели. Холодно и страшно, но виток за витком -- выше, выше, и вот уже под рукой шершавый бортик стены, отвесно уходящей вниз. Передо мной -- море.

С высоты отлично видны близкое зеленое пятно острова Видо и рядом пятнышко островка Лазарето, потом синева пролива и горы близкого материка. Глядя на эту панораму, можно реально представить, что происходило здесь, на безмятежном сегодня синем-голубом просторе, 18 февраля 1799 года. В этот день русско-турецкая эскадра штурмовала крепость Корфу. Руководил операцией с борта корабля "Св. Павел" вице-адмирал Федор Федорович Ушаков¹.

Это по его замыслу штурм начался с боя за остров Видо, который был ключом Корфу. Видо пылал... Русские корабли, выстроившись полукругом, развернули пушки в сторону крепости. У стен ее, зиявших брешами, поднимались лестницы. Натиск с моря и суши был столь велик, что утром следующего дня французы сдались. Крепость пала.

О чем думал и что чувствовал после победы Ушаков, готовивший этот штурм около четырех месяцев? Может, о том, что теперь, после освобождения всех Ионических островов и последнего из них, главного -- Корфу, планам Наполеона, рвавшего на Восток, пришел конец? Ведь именно успешные военные действия Наполеона на Средиземноморье заставили объединиться недавних врагов -- Россию и Турцию, а также примкнуть к этому союзу Англию.

Но радость победы принесла адмиралу и новые заботы. Сразу после взятия Корфу Ушаков -- и об этом говорят документы -- был крайне озабочен тем, чтобы восстановить на освобожденном острове порядок и спокойствие. Когда через некоторое время эскадра Ушакова уходила с Корфу, она покидала уже берега только что родившейся Республики Семи Островов. Благодарные жители Корфу преподнесли Ушакову золотой меч, усыпанный алмазами...

И снова вниз -- по каменным переходам и лестницам. На одной из площадок вижу две пушки -- явно старинные, позеленевшие от времени. С трудом различаю клеймо -- двуглавый орел! Значит, ушаковские...

Возле Старой крепости раскинулась главная площадь города -- знаменитая Спианада. Широкая, просторная, зеленая, она была когда-то испытательным полигоном для крепостных орудий. Сейчас в зелени деревьев белеют памятники, по улице Дусмани, разделяющей площадь на Верхнюю и Нижнюю, катят нарядные конные экипажи...

Я хожу от памятника к памятнику, рассматриваю здания, окружающие площадь, и мне открывается история города, которая вершилась после Ушакова.

Вот монумент Союза Ионических островов с остальной Грецией. Это событие произошло 21 мая 1864 года, и каждый год в этот день Нижняя площадь принимает праздничные шествия.

Неподалеку от этого памятника, через улицу, тянется аж на два квартала удивительное здание -- Листон. Нижний этаж его -- высокие закругленные арки с венецианскими фонарями. Теплый песочный цвет стен, изящные линии арок, блеск фонарей -- это творение французского архитектора Лессепа, который построил подобное здание и в Париже, на улице Риволи. Кстати, именно французы засадили деревьями Спианаду, превратив площадь в прекрасный парк.

К площади примыкает и Старый дворец с триумфальными арками входа. В 1819 году, когда построили дворец, в нем размещался сенат Ионических островов, потом в нем жили английские правители. В саду стоит памятник одному из них -- Фредерику Адаму, создателю сети водоснабжения на острове. Памятник поставили сами керкирийцы. К

слову, они по сей день благодарны англичанами за прекрасные дороги.

Помнится, когда мы с Георгием осматривали площадь, он обронил: "Мы, керкирийцы, -- люди мира...", имея в виду то культурное влияние, которое оказали на жителей острова все исторические события. Но, подумав, добавил: "И все-таки греки".

...У памятника Иоаннису Каподистрии всегдалюдно. Каждый керкириец знаетбиографию Иоанниса и гордится им. Он родился на этом острове, однако судьбаего оказалась тесно связанной с Россией: долгие годы Каподистрия находилсяна русской дипломатической службе. А в 1827 году он -- в ходе греческойнационально-освободительной революции -- стал первым правителем освобожденнойГреции. Но через четыре года был убит, возможно, теми (есть такая версия),кому не нравилась его тяга к России, к добрым отношениям с ней.

Когда Ушаков стоял с эскадрой у стен Корфу, Иоаннису было 23 года...Тогда на Ионических островах действовала большая "русская партия"и двухтысячное ополчение керкирийцев сражалось вместе с русскими. Еще доштурма делегация островитян поднималась на борт корабля "Захарий иЕлисавета" и слезно молила русских моряков не высаживать на островтурок. Керкирийцы знали, что такое поголовная резня... Все эти событияверняка не могли пройти незамеченными для молодого Каподистрии и, бытьможет, многие его последующие дела и неизменная симпатия к России истокаисвоими уходят в те годы...

Но, похоже, я несколько задержалась на площади Спианады. А ведь за ней-- до самой Новой крепости -- вьются улочки Старого города-кадунии. Поэтим кадунием наверняка ходили ушаковцы: город строили еще венецианцы, ион почти не изменился с тех давних пор. Здесь нужно отбросить карту и идти,следуя причудливым извивам улочек. Они выводят то к византийской церкви,то к площади с источником, одетым в камень, то к венецианской лестнице...

И хотя Старый город заповедан, музейной тишины здесь нет. Напротив.Тарахтят мотоциклы, всюду идет бойкая торговля, поток пешеходов вливаетсято в одну, то в другую уличную воронку.

Кажется, я уже зашла туда, куда пестрая людская волна не докатывается.Поднимаю глаза на табличку и вижу -- улица Ушакова! Иду по ней, касаясьруками стен домов по обе стороны. Дома в основном трехэтажные; на стенахиных, свежих после ремонта, отчетливо виден квадрат старой штукатурки.(Вспоминаю: Георгий говорил, что ремонт дома -- дело каждого хозяина, но,ремонтируя здание, хозяин обязан оставить образец старого покрытия.) Междудомами, на высоте, сохнет белье. Пожилая женщина в черном тащит сумку совощами. Процокала каблучками по каменной мостовой девушка... И снова тихо.

А где-то вблизи слышны голоса большой улицы. Иду на них, и улица Ушаковавыводит меня на улицу Каподистрии...